

В.В.АЛЕКСЕЕВ (Екатеринбург)

УРАЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НА РУБЕЖЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Находясь на границе европейской цивилизации и Азии далекой, таинственной, Урал издавна привлекал внимание путешественников и ученых. Первые упоминания о нем уходят в седую древность, ко временам Геродота. За его многовековую историю накопилась огромная информация, которая отражена как в памятниках материальной культуры, так и в многочисленных архивных документах, публикациях. Сегодня, на пороге третьего тысячелетия, необходимо подвести хотя бы основные итоги изучения региона, сыгравшего выдающуюся роль в российской истории. К этому располагает нынешняя политическая ситуация, которая позволяет непредвзято оценить предшествующие достижения историографии, понять ее успехи и неудачи, наметить пути дальнейших исследований. Решить такую крупную задачу в одной публикации невозможно. Поэтому попытаемся предложить интегративный подход, который бы дал возможность рассмотреть наиболее важные проблемы уральской истории в контексте цивилизационных процессов.

Древность

Археологами установлено, что заселение Урала началось не менее 200 тыс. лет назад. Самые ранние упоминания об его археологических памятниках относятся к концу XVII—началу XVIII вв., когда в связи с развитием горного дела на Урале были обнаружены следы древних меднорудных разработок — «чудские копи». С середины XIX в. развернулись многолетние изыскания уральских краеведов. Производятся раскопки таких опорных памятников как Ананьинский могильник, Гляденовское костыще в Приуралье, савроматские курганы на Южном Урале, обследуется Шигирский торфяник и Палкинские стоянки Среднего Зауралья. В ходе дискуссии о создателях уральского очага металлургии поднимается проблема прародины финно-угорских народов.

С конца 20-х гг. XX в. начинаются систематические и широкие исследования отдельных районов Урала. Несомненным достижением стало открытие палеолитических памятников (М.В.Талицкий, С.Н.Бибииков, К.В. Сальников). В конце 40-х гг. О.Н.Бадером были исследованы первые мезолитические стоянки. Со второй половины 50-х гг. совместными усилиями научных сотрудников московских и ленинградских академических институтов, а также вузовских коллективов Урала началось сплошное археологическое изучение края. От узких хронологических обобщений ученые переходят к проблемным исследованиям и углубленному изучению материала по эпохам и археологическим культурам. Самым значительным достижением 50-80-х гг. в изучении палеолита стало открытие верхнепалеолитических святилищ с росписями в Каповой (О.Н.Бадер, В.Е.Щелинский) и Игнatieвской (В.Т.Петрин) пещерах, имеющие мировое значение. Большим успехом археологии бронзового века было выделение комплекса памятников типа Синташты, Аркаим (В.Ф.Генинг, Г.Б.Зданович). Археологические исследования ранних русских поселений, анализ этнографических и письменных источников позволили В.А.Оборину представить историю

аборигенов края накануне и в процессе присоединения уральских земель к Российскому государству.

Трехсотлетняя история археологических изысканий на Урале изобилует не только блестящими открытиями, но и множеством нерешенных проблем. Очевидно, что далеко не исчерпаны его потенциальные возможности. Логично предположить, что стык европейской и азиатской цивилизаций таит в себе уникальные перспективы для археологической науки, которая может значительно углубить время заселения этого региона человеком и обогатить свой арсенал неведомыми ранее феноменами мирового значения. Вопрос в том, где и как их искать? Существенную помощь в ответе на него могут оказать естественные науки, особенно геология и биология, которыми наработан огромный материал, напрямую стыкующийся с археологией. Необходимо сосредоточение усилий археологов на анализе проблем начально-палеолитического этапа развития Уральского региона.

Открытие в Южном Зауралье уникальных комплексов эпохи средней бронзы (Синташта, Аркаим и им подобных) ставит задачу всесторонней оценки их роли и значения на пути поступательного исторического развития народов не только Северной Евразии, но и всего Старого Света в целом. Были ли это действительно предгосударственные образования? Почему их развитие прервалось в степной зоне Евразии, какова их реальная связь с индоиранской проблемой? Специального широкомасштабного исследования с позиций современной науки заслуживает великое переселение народов первого века нашей эры, которое мощными волнами прокатилось по уральским степям. Оно оказало огромное влияние не только на этногенез народов Урала, но всей Евразии.

Незаслуженно забыта уральскими археологами проблема изучения торфяниковых памятников. Дореволюционные и предвоенные раскопки Шигирского и Горбуновского торфяников во многом поставили археологические памятники Урала в ряд наиболее ярких в североевразийском регионе. Этот тип памятников содержит разнообразные категории находок из органических материалов, позволяющих значительно расширить наши представления о материальной, да и духовной культуре древних племен. Такая работа трудоемка, требует координации усилий специалистов многих смежных дисциплин, но и отдача от этих исследований может быть исключительно эффективной.

Исследование последних десятилетий позволяют ставить проблему новой оценки памятников эпохи раннего железного века Северной Евразии. Насколько эти общества продвинуты на пути классо- и политогенеза? Все ли они характеризуют стадию вожества, либо часть из них была уже включена в структуру раннеклассовых государств, мало известных по письменным источникам того времени. Безусловно одно, многочисленные степи и лесостепи Урала, и прежде всего «царские» курганы, должны стать объектом пристального внимания уральской археологии, тем более что существует реальная угроза их исчезновения в ходе хозяйственных работ и возможным переходом земель в частную собственность.

Получили широкий научный и общественный резонанс исследования сотрудников Института истории и археологии в циркумполярной зоне Евразии, в частности на Ямале. Они позволили ввести в научный оборот новые этнографические и исторические данные о народах и культурах Уральского и Западносибирского Севера. Теперь открывается возможность комплексного изучения проблем этноисторического освоения Арктики Евразии, прежде всего ее западного сектора, простирающегося

между Скандинавией и Таймыром. До рубежа I и II тыс. н. э. здесь происходило формирование саамской и самодийской этнокультурных общностей. Позднее на арену арктических контактов вышли европейские народы: германо-скандинавы (викинги, норвежцы) и восточные славяне (новгородцы, поморы).

Новгородо-сибирские связи почти на полтысячелетия старше официально признанного начала освоения русскими Сибири (поход Ермака). При этом, в отличие от московской военно-административной политики, они представляли собой совершенно иной тип освоения, главной характеристикой которого были торговые, во многом паритетные связи европейцев и сибирских туземцев.

Намеченный в Институте проект «Мангазейский путь: арктическая культурология» предусматривает комплексное этноисторическое исследование западного сектора Евразийской Арктики, в том числе поморо-сибирских и скандинаво-сибирских связей. Кроме того, предполагается проведение сопоставительных исследований (в том числе полевых) по народам и культурам Средней и Восточной Сибири. Выделено три направления: «чрезуральский» путь в этногенезе народов Урала и Сибири; северорусское движение за Урал (взаимодействие культур); сравнительная культурология Северной Евразии.

Назрела необходимость создания обобщающего исследования, определяющего место древних и средневековых культур Урала в евразийском культурном пространстве. Накоплен уже достаточный источниковый фонд, сформированы высококвалифицированные научные коллективы, способные решать подобную задачу. Именно эта тематика выделена как первоочередная в изучении проблем древней истории в Институте истории и археологии на 1998-2000 гг.

Средние века и новое время

Огромный общеисторический интерес представляет стык археологических и письменных источников на Урале. Он принципиально важен для оценки первоначального заселения и хозяйственного освоения региона. Однако таких исследований очень мало, до конца не отработана их методика. Поэтому наука не располагает сведениями по многим важным проблемам IX—XV вв.

Одно из первых летописных свидетельств об Урале относится к концу XI в. и содержится в «Повести временных лет». Более систематические сведения появляются со времени сибирского похода Ермака и отражаются в сибирских и уральских летописях 1620-1640 гг. Полнокровная историография Урала начинается с первой половины XVIII в., что было связано с крутым подъемом горнозаводского дела. Колоритно это выразил В. де Геннин в его знаменитом «Описании уральских и сибирских заводов» (1735г.). Заметный вклад в изучение образа жизни и истории народов Урала внесли ученые и путешественники, участники академических экспедиций XVIII в. (И.Г.Гмелин, Г.Ф.Миллер, П.С.Паллас и др.)

Особое место в историографии Урала XVIII в. принадлежит П.И.Рычкову, который много сделал для изучения Южного Урала и Башкирии. Его труд «Описание осады Оренбурга» полностью вошел в «Историю Пугачевского бунта» А.С.Пушкина, а исследования о происхождении башкир, башкирских восстаний и присоединения Башкирии к России не потеряли своей значимости до настоящего времени.

Первая половина XIX в. ознаменовалась изданием историко-географических трудов Н.С.Попова и К.Ф.Модераха. Тогда же публикуется обобщающий труд А.И.Веш-

томова «История вятчан», в котором прослежено происхождение удмуртов, русская колонизация края, история церкви. Во второй половине века созданы историко-статистические словари, содержащие многочисленные данные по истории, этнографии, экономической статистике (Н.К.Чупин, И.Я.Кривошеков).

Одним из главных результатов изучения истории Урала в XVIII-XIX вв. можно считать накопление большого фактического материала о развитии его горнозаводской промышленности (В. де Геннин, В.Н.Татищев, Ф.И.Крамаренков, А.Н.Дерябин, В.П.Безобразов, В.Д.Белов и др.) и колонизации края (Г.Ф.Миллер, А.А.Дмитриев, В.Н.Трапезников и др.). Промышленная политика в регионе как правило рассматривалась в контексте экономической конъюнктуры, особенно в кризисные периоды. Предпринимались попытки проследить организацию промышленного производства, зависимость между законодательством и конфликтами на предприятиях. Все это дает богатый фактический материал для понимания успехов и трудностей развития горного дела в длительной исторической ретроспективе. Колонизационные процессы рассматривались с диаметрально противоположных точек зрения. Г.Ф.Миллер основное внимание уделял военно-правительственной и промысловой колонизации и недооценивал вольную крестьянскую. А.А.Дмитриев наоборот главной считал крестьянскую и посадскую колонизацию.

Изучение этих традиционных тем уральской истории было продолжено в первой половине XX в. на новой теоретико-методологической основе. Новый вклад в изучение колонизации Урала внес С.В.Бахрушин, который выделил военно-правительственную, промысловую, крестьянскую, церковную колонизации. Плодотворно разрабатывал тему крестьянской колонизации В.И.Шунков. А.А.Преображенский доказал, что основной поток переселенцев составляли черносошные крестьяне Поморья, и главной формой колонизации являлось не бегство, а легальный отход с разрешения крестьянских «миров».

Проанализированы история становления и развития горной промышленности, системы горного управления, техники и технологии производства, организация труда (И.С.Сигов, Д.А.Кашинцев, Н.Б.Бакланов, С.Г.Струмилин, Н.И.Павленко, Б.Б.Кафенгауз и др.) Негорнозаводская промышленность изучалась А.С.Горовым, А.В.Шиловым, кустарная – М.И.Чернышем, Л.В.Ольховой. Социально-экономическое развитие горнозаводской промышленности исследовали В.Я.Кривоногов, А.С.Черкасова, Д.В.Гаврилов, Ю.А.Буранов, Л.В. Сапоговская и др.

Самостоятельной темой изучения с конца 1950-х гг. стала история аграрного освоения и сельского населения восточных регионов России. При этом серьезное внимание уделялось определению роли различных сословных групп населения в освоении Урала, реконструкции народного опыта хозяйствования, соотношения традиций и новаций в народной агрономии. Широкое отражение в исследованиях получили вопросы социальной истории крестьянства, институтов мирской организации и самоуправления, социальных взаимодействий и конфликтов, демографического развития (А.А.Кондрашенков, Р.Г.Кузеев, М.В.Гришкина, В.В.Пундани, Н.А.Миненко, А.С.Орлов, И.В.Побережников и др.).

Существенное внимание уделялось изучению традиционных сегментов общества, их культуры и менталитета. В этом плане историографическим событием стала серия работ Г.Н.Чагина, посвященных реконструкции русской этнокультурной традиции на Среднем Урале. Сотрудниками Института истории и археологии проведено исследование традиционной культуры и агрикультуры русского крестьянства Ура-

ла XVIII—XIX вв. Впервые в историографии осуществлена реконструкция русской крестьянской традиции на Урале данного периода, выявлены многовариантность форм материальной и духовной жизни внутри региона в целом, отдельных его зон и районов, даже отдельных крупных селений, устойчивые локальные особенности в хозяйственных традициях, культуре жизнеобеспечения, семейном быте, календарной обрядности уральских крестьян XVIII—XIX вв. Этнокультурные взаимодействия на Урале в XVII—XIX вв. рассмотрены на фоне процесса интеграции региона в состав Российского государства (Н.А.Миненко, И.В.Побережников и др.).

Одним из направлений культурологических исследований стало изучение грамотности и книжной культуры населения Урала, тесно связанной с историей старообрядчества. В результате собирательской деятельности уральских археографов сохранены и введены в научный оборот сотни старопечатных и рукописных книг XV—XIX вв., выявлены особенности местной книжно-рукописной традиции, оригинальные памятники литературы и письменности, читательские интересы различных социальных групп, отражавшие их идейно-политические и нравственные воззрения (Р.Г.Пихоя, В.И.Байдин, А.Т.Шашков, А.Г.Мосин и др.).

Важное значение для понимания цивилизационной специфики России имеет обобщающий трехтомный труд «История казачества Азиатской России», в котором впервые определяется место и роль казачества в присоединении и освоении восточных окраин России и вообще в истории российского государства с XVI по XX в. В книге представлена широкая панорама жизни и быта вольных казачьих общин, служилого казачества Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского, Уссурийского, Енисейского войск от зарождения казачества до современности, в том числе и история казачества в эмиграции. Издание не только обобщает исследования по истории казачества восточных регионов России, но и по новому, на широкой источниковой базе решает многие исторические проблемы.

Самостоятельной темой научных разработок является взаимодействие индустриального и аграрного секторов экономики в контексте модернизации. Данная проблема изучалась в ходе 4-летней совместной работы исследователей Института истории и археологии и университетов Уппсалы и Стокгольма (Швеция). В результате проведено широкое компаративное исследование по истории шведской и российской металлургии в рамках концепции протоиндустриализации. Итоги научных поисков нашли отражение в ряде совместных монографий и сборников статей.

Разработка данной проблематики была продолжена при поддержке гранта РГНФ «Горнозаводские центры и аграрная среда в России XVIII первой половины XIX в.: взаимодействия и противоречия» (рук.Н.А.Миненко). Проведенные исследования позволили установить, что воздействие промышленного сектора на аграрный в целом носило противоречивый характер. Положительные стороны его усматриваются в стимулировании развития сельского производства, совершенствования агрикультуры, роста его товарности, промысловой деятельности крестьянства, сельского предпринимательства и торговли. Тормозящая роль промышленности сказывалась, в первую очередь, в том, что через систему насильственной интеграции в заводское производство (приписка, использование труда крепостных) из деревни принудительно изымались значительные трудовые ресурсы, которые могли бы быть использованы в аграрном секторе.

Сравнительный анализ домохозяйства крестьян и постоянных заводских рабочих показал, что уже в начале XVIII века между ними существовали различия в пользу сельских жителей по обеспеченности земельными угодьями и по доле занимающихся земледелием хозяйств. Сквозные исследования, проведенные на данных за весь хронологический период, свидетельствуют, что горнозаводская промышленность не вытесняла крестьянское домохозяйство как таковое, однако оказывала вполне определенное воздействие на его отраслевую структуру. Данное наблюдение важно для изучения взаимодействия промышленного и аграрного секторов экономики на стадии protoиндустриализации, а также генезиса капитализма.

В последние годы усилился интерес к истории уральского купечества и предпринимательства, особенно к деятельности популярных заводчиков Демидовых. Одним из наиболее важных результатов на этом поприще можно считать выход в свет «Демидовского временника», который восстанавливает утраченную связь времен уральской истории, обогащает ее страницы забытыми именами и их славными деяниями.

Современность

Изучение проблем XX в. долгое время находилось под мощным идеологическим прессом. На первом плане стояли история революционного движения и политической жизни края (Ф.П.Быстрых, Я.Р.Волин, Н.К.Лисовский, Н.Н.Попов и др.), причем подавались они чаще всего с догматических марксистских позиций, под углом зрения общероссийских тенденций, без достаточного учета региональных особенностей. Обширна литература по истории гражданской войны на Урале (В.С.Скробов, И.П.Плотников, В.Ф.Мамонов и др.) Долгое время сложнейшие проблемы классовой борьбы трактовались ортодоксально большевистски, и лишь в последнее время наметилась их взвешенная оценка, раскрывающая виновность в страшном кровопролитии как белых, так и красных.

Много внимания уделялось истории индустриального развития в 20-30 гг. (А.П.Абрамовский, В.В.Федльдман, А.В.Бакунин, В.Н.Зуйков, П.Г.Матушкин), в 40-е гг. (П.Г.Агарышев, А.А.Антуфьев, А.Ф.Васильев) и в 50-80 гг. (В.Ф.Тиунов, Б.В.Личман, В.Ф.Попов, А.Н.Фадеев, В.Э.Лебедев и др.). Большинство работ выполнено в историко-партийном плане и не раскрывает всю масштабность, сложность и противоречивость индустриальной революции на Урале, практически не изучены ее социально-экономические и экологические последствия.

Аграрное развитие региона рассматривалось преимущественно в русле проблем истории коллективизации (Н.В.Ефременков, В.М.Куликов, В.Б.Цыганов), Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (Г.Е.Корнилов, В.П.Мотревич, Р.П.Толмачева). Индивидуальные крестьянские хозяйства в советский период обстоятельно проанализированы в монографии М.Н.Денисевича. В целом же аграрная история Урала XX в. исследована неравномерно по периодам, не комплексно по содержанию и в значительной степени идеологизированно. Тенденциозные наслоения прошлых лет не преодолены до сих пор.

Аналогичная ситуация в изучении духовной жизни и культуры региона. Здесь меньше обобщающих работ, но они еще больше пронизаны духом классовой риторики, не раскрывают глубочайших изменений в духовной жизни народа, произошедших под влиянием социалистического эксперимента. Правда, в последнее время намети-

лись некоторые положительные изменения в сторону научности и объективности. Первым симптомом в этом отношении служит монография А.В.Сперанского, посвященная культуре Урала в годы Великой Отечественной войны.

Национальные проблемы Урала разрабатывались К.И.Куликовым, Ф.Л.Саяховым, Б.Х.Юлдашевым и др. По заданию отделения истории РАН Институтом истории и археологии подготовлен специальный обобщающий доклад «Исторический опыт развития национально-территориальных образований Российской Федерации: культурологический аспект», содержащий методологические обоснования и предложения по научному обеспечению координации исследований по данной тематике, который отражает современное понимание проблемы. Однако в целом в условиях резкого обострения региональных и национальных проблем их изучение очень сильно отстает от требований времени.

С середины 80-х гг. под влиянием кардинальных перемен в политической жизни страны начался пересмотр многих исторических оценок, вплоть до прямой их противоположности, причем это как правило не сопровождалось созданием оригинальных фундаментальных трудов. Поэтому, не останавливаясь на множестве мелких публицистических публикаций, выделим только некоторые новые направления исследований XX века: внешнеэкономические связи Урала (В.П.Тимошенко); российская геополитика и социокультурные основы уральского регионализма (В.В.Алексеев, К.И.Зубков, И.В.Побережников); историческая демография Урала (А.И.Кузьмин, А.Г.Оруджиева); гибель царской семьи Романовых на Урале (В.В.Алексеев); советский тоталитаризм (А.В.Бакунин)

В рамках гранта РГНФ «Опыт российских модернизаций XIX—XX вв. (по материалам Урала)» (рук.В.В.Алексеев) велись исследования по обобщению исторического опыта модернизации, т.е. многовекового перехода от традиционного, аграрного общества, к индустриальному. Этой концепцией описываются в настоящее время основополагающие процессы во многих странах мира. Ее применение к российской истории имеет принципиальное значение в условиях нынешних дискуссий о путях ее развития. Результаты, полученные уральскими исследователями, изложены в двух главных публикациях «Российская модернизация XIX—XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены» и «Региональное развитие в контексте модернизаций», в которых теоретико-методологическая модель модернизационного перехода адаптирована к изучению процессов на региональном уровне. Сделана попытка теоретического размежевания понятий модернизация, капитализм, социализм. Впервые в отечественной историографии поставлена проблема взаимодействия модернизации и региональной динамики, ставшая самостоятельным направлением изучения в рамках гранта.

Перспективы

Уральская историография вышла на рубеж третьего тысячелетия со значительным, почти трехсотлетним багажом исторических знаний. В этом смысле она равняется, может быть, только московской. В ней представлены с разной степенью полноты основные этапы и проблемы региона, прежде всего индустриальные сюжеты. К сожалению, она не располагает современными обобщающими исследованиями. Два тома академической «Истории Урала» охватывают события с древнейших времен только до начала XX века и то со значительно устаревших позиций. В настоящее время

учеными Института истории и археологии предпринята попытка преодолеть этот пробел и подготовить краткий обобщающий труд под названием «Урал в панораме веков», в котором бы на базе новых концептуальных оснований были проанализированы главные события уральской истории в контексте их российской и мировой значимости. Однако для выполнения такой большой и сложной работы, особенно для координации усилий вузовских ученых, пока не хватает материальных ресурсов.

Рассмотреть более конкретно перспективы исторических исследований на Урале в условиях нынешнего переходного состояния исторической науки трудно, тем более в рамках краткой публикации. А с другой стороны, необходим более интегративный, цивилизационный подход к интерпретации истории региона. Попытаемся его наметить сквозь призму теории модернизации.

Модернизационный переход можно рассматривать на макро- и микро- уровнях. Первый уровень предполагает изучение воздействия общестрановых контекстов (политико-институциональных, социально-экономических, социокультурных) на ход и формы региональной модернизации, с одной стороны. С другой стороны, нуждается в исследовании воздействие местного исторического опыта и регионального своеобразия на формирование страновых моделей перехода от традиционного к индустриальному обществу. Значимость данного влияния, особенно для таких колоритных периодов как XVIII в. и 20-60-е гг. XX в., не вызывает сомнений.

Второй уровень предусматривает изучение модернизационных сдвигов на уровне микроструктур, предприятий, местных сообществ, организаций, семьи и т.д. (в рамках «новой исторической науки» данное направление определяется как микроистория), поскольку наблюдения, получаемые на макроуровне, на базе агрегированных данных, не всегда могут быть сведены к уровню микроэлементов. Микроистория, по существу, это целый пласт исторического процесса, толща истории, к сожалению, не получившая достойного отражения в отечественной исторической науке.

Наиболее продуктивными для разработки представляются следующие проблемы исторического опыта модернизации:

- геополитический контекст модернизации (природно-климатические условия, место и роль региона в межрегиональном экономическом взаимодействии, национальной политико-экономической системе и международном разделении труда, внешнеэкономические и внешнеполитические «вызовы»);
- социокультурный контекст модернизации (социальная стратификация, модели мобильности, ментальные доминанты, социокультурные установки);
- стратегия модернизационного развития (концептуальный и идеологический дискурс, геополитические интересы, представления о необходимости и осуществимости модернизации, ее источниках и факторах);
- изменения индустриальной структуры и моделей экономического роста (отраслевая, секторальная и технологическая структура индустриального производства, источники мобилизации капитала, факторы экономического роста, концентрация, деконцентрация и диверсификация производства, разделение труда);
- предприятие в системе экономических отношений (типы и функции предприятий, отношения собственности и юрисдикции, управленческие и предпринимательские стратегии, организация производства и труда, технологического развития);

— политико-институциональные и правовые изменения (система гражданского и хозяйственного права, манифестация политических интересов, разделение властей по «вертикали» и «горизонтали», институты и агенты модернизации);

— социальные отношения в процессе модернизации (разделение функциональных ролей, государство и общество, социальные группы и слои, «элиты» и «массы», типы социальной зависимости и социального взаимодействия);

— трудовые отношения (функциональное разделение ролей внутри предприятия, статусная иерархия, структура и динамика доходов, взаимоотношение администрации и работников, трудовые споры и конфликты);

— влияние научных знаний и образования на темпы модернизации (профессионализация и сциентизация индустриального производства, система трансляции и циркуляции научных и технологических знаний, информационный и технологический фактор модернизации);

— образ жизни и культура (эволюция общественного и культурного типа работника, изменение менталитета и системы ценностей, индустриальная культура, урбанизация и формирование городского образа жизни).

Практически не разработанной остается проблематика взаимоотношений государства и общества в контексте модернизации. Актуальность темы определяется тем, что отношения государства и общества, являясь зависимой и независимой переменной одновременно, серьезно менялись под влиянием модернизации, с одной стороны, а, с другой стороны, оказывали существенное воздействие на характер российской модернизации. Изучение данной темы позволяет углубить представления о специфике отечественного перехода от традиционного к индустриальному обществу. Необходимо при этом отметить, что в мировом обществоведении роль государства, механизмы воздействия государственных и институциональных структур на модернизацию и общество получили различные, зачастую диаметрально противоположные оценки и интерпретации. Различные концептуальные схемы, порой конкурирующие между собой, используются и при характеристике политического режима в России, существовавшего в эпоху модернизационного перехода: абсолютизм, просвещенный абсолютизм, деспотический абсолютизм, полицейское государство, тоталитаризм и т.д.

В этом контексте представляется перспективным рассмотрение следующих вопросов:

— место и роль государства в процессе модернизации;

— факторы дифференциации взаимоотношений государства и общества в контексте модернизации;

— характер и эволюция связей между государственными институциональными структурами и обществом на местах;

— инструменты воздействия государства на общество (законодательство, административный аппарат, стратегии управления);

— институты и агенты модернизации, формирование модернизационных элит;

— государственная политика и регулирование (в экономической, социокультурной сферах, в сфере социальной реабилитации) как фактор модернизации;

— роль и место негосударственных (сословных, общественных, профессиональных организаций в процессе модернизации);

— государственное регулирование распределения социальных ролей в обществе;

— типология взаимоотношений государства и общества в ходе модернизации.

В высшей степени научно значимой является проблема соотношения между преемственностью, континуитетом, традицией, с одной стороны, и модернизацией, революцией, социальными трансформациями, с другой стороны. В современных условиях данная проблематика актуализирована поисками национальной, культурной и цивилизационной идентичности России. Между тем, оценки данного соотношения, получившие отражение в публицистике, страдают полярностью. С одной стороны, утверждается о полном разрыве преемственности, например, в 1917 г. С другой стороны, в литературе высказывается мнение о существовании некоторых инвариантов, которые якобы всегда определяли развитие страны и жестко его детерминировали (сторонники данного утверждения ищут, например, истоки тоталитаризма в Киевской Руси; пишут о изоморфности общинного и колхозного устройства деревни и т.д.)

Представляется, что адекватное решение поставленной проблемы возможно лишь на основе глубокого изучения конкретного материала и широких компаративных исследований. Наиболее перспективными для сравнения представляются следующие эпохи:

- допетровский период и Россия XVIII столетия, модернизированная реформами Петра I;
- дореформенная, крепостная эпоха и пореформенное время (1860-е гг. — начало XX в.);
- царская и советская Россия;
- советская и постперестроечная эпохи.

Возможны, конечно, и иные варианты интерпретации уральской истории, но мы предпочитаем этот, поскольку он открывает путь для более глубокого изучения региона с позиций цивилизационного подхода, обеспечивает возможность компаративных исследований не только российских провинций, но и других государств по апробированным методикам, которые позволяют оценивать как прошлое, так и тенденции будущего.